

Т. В. КУЩ. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии

Т. В. КУЩ. НА ЗАКАТЕ ИМПЕРИИ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СРЕДА ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ

Автор: А. Г. ЕМАНОВ

Т. В. КУЩ. *На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии*. Екатеринбург. Издательство Уральского университета. 2013. 456 с.

Знаменательным событием в жизни российского византиноведения стало появление новой монографии Т. В. Кущ, едва ли не самого продуктивного представителя среднего поколения Уральской византиноведческой школы. Актуальность данного исследования трудно переоценить - она определяется значимостью самого феномена интеллектуализма во всемирной истории. Действительно, роль интеллектуалов не сводится к влиянию в какой-нибудь одной области знаний, к прорывам лишь в одной области познания мира, хотя и этого было бы достаточно для нескольких книг.

Влияние интеллектуалов много шире. Они не только создают модели воспитания и образования, соответствующие высшим ценностным ориентирам, но и определяют новое качество жизни общества, основанного на принципах свободы, ценности отдельной личности, высокой оценке креативных способностей человека, на признании превосходства культуры над природой, духовности над прагматикой и стихией потребления. Актуальность монографии Кущ усиливается остротой поднятых проблем, главным образом, - особым социокультурным статусом носителей интеллектуализма в поздней Византии, в обстановке небывалого культурного подъема, далеко не бесспорно порой обозначаемого византинистами как "Палеологовское Возрождение", и одновременно в условиях жесточайшего кризиса самих устоев Византийской империи. Здесь со всей остротой встает вопрос - способна ли была интеллектуальная элита Византии осознать всю тяжесть турецкой угрозы и предложить оптимальную стратегию выживания? Лежит ли на интеллектуальной элите Византии ответственность за трагическую участь Константинополя и империи? И надо сразу отдать должное автору - ее труд соответствует высоте заявленных притязаний.

Успешность и результативность исследовательского дискурса задается полнотой источниковой базы. Автором критически изучены разнообразные письменные источники - нарративные тексты, среди которых выделяются риторические сочинения византийских авторов последней трети XIV - первой половины XV в., исторические повествования Никифора Григоры, Иоанна Кантакузина, Дуки, Лаоника Халкокондила, Георгия Сфрандзи и др., богатая византийская эпистолография, где одному лишь Димитрию Кидонису принадлежит более 450 писем.

Надежной гарантией продвижения вперед в освоении заявленной темы выступают широта и глубина историографического экскурса. Несмотря на относительную молодость проблематики интеллектуальной истории Византии, определенные предпосылки к ее постановке были заложены уже в работах первых византинистов по истории культуры, литературного творчества, образования и воспитания, богословской и натурфилософской рефлексии палеологовской эпохи. Признавая приоритет американского византиниста И. Шевченко в изучении интеллектуальной жизни поздней Византии (стоит лишь вспомнить его монографию 1981 г.), автор справедливо отмечает появление в последние десятилетия новых направлений в понимании интеллектуального наследия поздней Византии: здесь и повышенный интерес к конструированию образа "другого" в поздневизантийских текстах - будь то "латинянин", "франк", или "турок"; здесь и пристальное внимание к формам интеллектуальной коммуникации, и микроструктурный анализ интеллектуальных сообществ столицы и провинциальных центров, и изучение деятельности отдельных персон.

Кущ продуктивно использует методы интеллектуальной истории, в основе которых лежат классические труды Томаса Куна, Мишеля Фуко, Гастона Башляра и Луи Альтюссера с их идеями смены парадигм,

приемы микроисторического анализа, разработанные Карло Гинзбургом и его последователями, методы новой социальной истории, убедительно продемонстрированные Робертом Дарнтоном. Но, пожалуй, решающая роль в монографии отводится просопографическому методу, обоснованному Майклом Арнхаймом, Анри Шастаньоле и Тимоти Барнсом. В соответствии с его канонами автором составлено досье на каждого из 152 византийских интеллектуалов 1371 - 1453 гг., в которых отражены происхождение, семья, родственные и дружественные связи, образование, карьера, круг общения и перечень авторских сочинений. Учет сменяемости поколений по линии наставническо-ученических связей (учитель - ученик - ученики учеников) позволяет автору подойти к пониманию смысла интеллектуальной трансформации в Византии, произошедшей к середине XV века.

Убедительна и структура монографического исследования. К интересным новым наблюдениям приводит социокультурный анализ поздневизантийской интеллектуальной среды, проделанный автором. При своей очевидной устойчивости и постоянстве эта среда не была единой: выделялась элита, определявшая духовный климат в византийском обществе; ей противостояла интеллектуальная периферия; различались сторонники исихазма, паламизма и их противники, латинофилы, туркофилы и ортодоксы. Менее 10 % интеллектуалов принадлежали к аристократическим кланам, включая представителей правящей династии. Подавляющая же масса происходила из средних слоев, из самой гущи народа, демонстрируя открытость византийского общества, редкие для средневековья возможности вертикальной социальной динамики в Византии, благодаря образованию и интеллектуальным талантам. Это - служители церкви, учителя, врачи, юристы, военные. Треть интеллектуалов смогла достичь положения знати, конвертируя индивидуальный высокий уровень образованности и личные способности в социальный капитал.

Как справедливо отмечает Куц, столица отнюдь не доминировала в интенсивной интеллектуальной жизни империи; больше половины интеллектуалов, выделявшихся высокой духовной креативностью, были связаны с провинцией, что позволяет сделать вывод о провинциализации интеллектуальной сферы в последнее столетие существования Византийской империи. Еще более впечатляющи наблюдения демографического порядка.

Заслуживает поддержки и другое значимое заключение Куц - о социальных стратегиях византийских интеллектуалов, пределом мечтаний которых было получение высокой государственной должности при дворе, поскольку социальное благополучие в Византии гарантировала не земельная собственность, а служба императору, которая воспринималась как наилучшая возможность служения общему благу.

Весьма важны рассуждения исследователя о формах интеллектуальной коммуникации в Византии. Это и возрождение античного образца дружбы ученых, участие в судьбе учеников, обмен учениками, публичные диспуты, дискуссии, обмен сочинениями для критики или перевода и деятельность особых объединений византийских интеллектуалов, так называемых "театров", предшественников получивших на Западе распространение в эпоху Ренессанса академий, и изощренные эпистолярные практики, и обмен дарами. Особое значение приобрели именно "театры", где проводилось публичное испытание мыслительных способностей, искусства риторики, ведения полемики тех, кто закончил постижение наук и мог рассчитывать на вхождение в круг избранных.

Богат многими новыми идеями анализ гуманистических тенденций в интеллектуальной жизни поздней Византии. Византийские интеллектуалы были озабочены судьбой Константинополя и империи. Наиболее глубокие умы предвидели трагическую участь Византии, однако одновременно им была присуща твердая убежденность в извечности имперской идеи и столицы христианской ойкумены, которая передаст свою харизму достойному преемнику.

Новые ориентиры задают и размышления историка о реакции интеллектуалов на реальные испытания, которые выпали на долю Византии в XIV-XV веках. Это и конфронтация в обществе, и обострение внутрдинастической борьбы, и эпидемия чумы, и османская экспансия. Но пессимизм интеллектуалов порождался не столько этими бедами, сколько упадком нравов, патриотизма, образования в Византии. В качестве действенного средства изменения ситуации были

предложены разные доктрины, в частности "византийский национализм" Мануила Хрисолоры, который говорил о необходимости возрождения школ, наук, языка как условия не только свободы, но и сохранения империи.

Исключительно ценны результаты исследования диалога Византии с Западом, проведенного автором. Латинофильство автор справедливо рассматривает как форму инакомыслия по отношению к позиции ортодоксии. Однако подобное инакомыслие не подавлялось государством, а напротив порой даже культивировалось, поскольку сама власть выступала инициатором обновления Византийской империи на пути унии с Западом. Латинофильство стало решающим фактором интеллектуальной эмиграции из Византии в страны Западной Европы, в первую очередь, в Италию.

Монография вносит существенный вклад в изучение сложного и неоднозначного историко-культурного феномена - интеллектуальной среды Византии в решающей стадии существования империи.

Как всякое исследование, осуществляющее прорыв в научном познании, рецензируемая книга неизбежно порождает вопросы и тем самым стимулирует дискуссию.

Прежде всего, насколько приемлема категория "интеллектуал" в отношении византийской духовности палеологовской эпохи? Известно, какую критику в свое время вызвала монография Жака Ле Гоффа "Интеллектуалы в Средние века". Отмечалось, что так называемые "интеллектуалы" не занимались светскими областями познания, не были ориентированы на постижение научной истины, которая может быть обоснована средствами разума, подтверждена экспериментом, не обладали свободой мысли, а главное - научным знанием, которое сообщает знающему особую внутреннюю силу, способность пожертвовать собственной жизнью ради истины. Предлагалось пользоваться более надежным и утвердившимся термином "книжники". Это говорилось относительно средневекового Запада, где были университеты, факультеты не только богословия, но и права, медицины. В Византии поле проявления интеллектуальной индивидуальности было и того уже. Те византийцы, что блистали умом и красноречием, состояли на государственной службе империи и, стало быть, в еще большей степени были несвободны; они отличались не упорством в постижении и отстаивании истины, а показной лояльностью императору и ортодоксальной церкви; никто из них не был способен жертвовать не только жизнью, но и хотя бы частью своего благополучия ради великой цели приближения к истине. Конечно, они были необыкновенно образованны, обладали широкой эрудицией, знанием классических авторов, в совершенстве владели искусством слова, писанного и устного. Но это были, скорее, риторы, литераторы, кого на Западе в ту же эпоху называли "litterates".

Далее, хотелось бы остановиться на вопросе корпоративной институализации интеллектуальной среды поздней Византии, тем более, что он приобрел особую остроту в силу акорпоративности византийского общества в целом. Да, здесь сложились свои неписанные нормы, модели, механизмы профессиональной коммуникации, представления об авторитете, школе, преемственности знаний от учителя к ученику. И все же этого мало для определения сообщества византийских интеллектуалов как корпорации. Здесь недостает легитимации отношений в ученой среде, какая была на Западе с XII в. даже в тех областях византийского культурного круга, где доминировали принципы унии. Скажем, в среде армянской диаспоры в Кафе, которая была беспросветной периферией по сравнению с Константинополем, сложилась корпорация профессоров бывшего Татевского университета, и там проводились защиты диссертаций, присваивались ученые степени бакалавров и магистров. Образованное сообщество было более похоже на воображаемую "литературную республику", своеобразное экспертное сообщество, которое диагностировало состояние империи, высказывало обоснованные прогнозы на дальнейшее развитие событий, но не знало ученой иерархии, строгих правил адаптации в свою среду, совершения особых процедур посвящения, ритуалов инвеституры с клятвами и присягами. Здесь, быть может, более уместно рассматривать коммуникацию в образованной среде Византии в контексте модных сегодня на Западе концепций "социальных сетей". Невозможно обойти молчанием еще один момент. В монографии достаточно широко используется понятие "наука". Однако в какой мере можно говорить о науке применительно к Византии конца XIV - первой

половины XV века? Наука сопряжена со светской системой образования, опирается на личностную самоидентификацию ученого, на развитие свободной мысли, созидательные способности исследователя. Знанию "высоколобых" в ту эпоху достаточно сильную оппозицию составляло "народное знание", культивируемое учениками, путешественниками, купцами, ремесленниками. Все великие открытия того времени были совершены как раз представителями этого сниженного знания, что отражает донаучный статус мировоззрения, как Византии, так и современной ей Западной Европы.

В целом, высказанные в порядке полемики суждения делают монографию Т. В. Куц еще более насыщенной и привлекательной.